

УДК 167

Конструктивно-прогностическая природа языка в контексте неклассической теории познания

Агафонов Евгений Александрович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2-а;
e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме языка как прогностической структуры в контексте эволюции аналитической философии, становления неклассической теории познания, методологии конструктивного реализма. Особенно актуальным данный вопрос становится в контексте активно разрабатываемой и применяемой в современной отечественной эпистемологии методологии конструктивного реализма. Исследование проведено на основе анализа работ В. Гумбольдта, Э. Сепира, «позднего» Л. Витгенштейна. В работе дана характеристика языка как созидающего процесса, символа социальной солидарности и коммуникации, роли и значения слова как «квантора будущего». Автором исследован вклад Дж. Р. Сёрля, Х. Уайта, Ф.Р. Анкерсмита в обоснование роли и значения топологических методов. В частности, рассмотрена метафора в обосновании научности гуманитарного, в том числе исторического, познания.

Для цитирования в научных исследованиях

Агафонов Е.А. Конструктивно-прогностическая природа языка в контексте неклассической теории познания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 3. С. 85-94.

Ключевые слова

Философия языка, неклассическая теория познания, конструктивный реализм, язык, прогнозирование, метафора, Гумбольдт, Сепир, Витгенштейн, Сёрль, Анкерсмит.

Введение

Одной из актуальных проблем философии науки является вопрос о роли языка как прогностической структуры, его активном, деятельном, творческом, «творящем» характере, «матрице» будущих состояний реальности. Особенно значимым анализ данной темы исследования становится в контексте активно разрабатываемой и применяемой в современной отечественной эпистемологии методологии конструктивного реализма, преодолевающей односторонность, как радикализма, так и натурализма в понимании процесса познания, языка, их взаимосвязи с действительностью, мышлением, деятельностью субъекта познания.

Традиционная, классическая теория познания, идущая от античности, исходила из того, что правильное постижение действительности осуществимо только в том случае, «если человек не вмешивается в изучаемое явление, а описывает его таким, каково оно есть» [Лекторский, 2005, 12]. Однако в философии Нового времени, наряду с классической, натуралистической точкой зрения, возникает иная, противоположная, конструктивистская концепция, представители которой считали, что «наше познание имеет дело не с независимой от субъекта реальностью, не с вещами в себе, а с теми предметами, которые произведены самим субъектом» [там же, 13].

В философии XX века элементы конструктивизма в понимании сущности и природы познания и языка ещё более усиливаются и принимают форму радикального эпистемологического конструктивизма. Так, швейцарский психолог и эпистемолог Ж. Пиаже, в работах, посвящённых анализу конструирования реальности в сознании ребёнка, изложил основные принципы операциональной концепции интеллекта, рассматривая «операции» как основные составляющие интеллектуального развития, «актуальные элементы психической деятельности...» [Пиаже, 1969, 579].

Преодолением крайностей эпистемологического натурализма и радикального конструктивизма является концепция конструктивного реализма, представители которой утверждают, что познание представляет собой не нечто, происходящее «внутри» субъекта, а «динамический процесс, в котором психика, тело познающего существа и окружающий реальный мир – это лишь три аспекта некоей единой деятельности» [Лекторский, 2005, 18]. При этом граница между «внешним» и «внутренним» снимается, не отрицается роль и значение как объективной реальности, так и познающего субъекта, который «вырезает» из реальности то, что соотносимо с его деятельностью. В результате, субъективная реальность, мышление, язык рассматриваются не как что-то непосредственно данное и переживаемое, а нечто осмысленное, связанное с «овладением индивидом системой коллективных значений как языковых, так и практических» [там же, 19].

В контексте такого конструктивистского подхода актуальным становится понимание природы языка как прогностической структуры, потенциала опережения и предвидения, заложенного в художественном тексте, «способности слов быть кванторами (семантическими

индикаторами) будущего» [Шульц, Любимова, 2013, 74], а также их роли как не формально-логических способов образования понятий в гуманитарном знании.

Целью и задачей данной статьи является реконструкция деятельного подхода к пониманию конструктивно-прогностической природы языка в контексте эволюции аналитической философии, становления неклассической теории познания, методологической роли метафоры в конструировании понятий гуманитарного, в том числе исторического, познания.

Реконструкция становления неклассического подхода к пониманию прогностической природы языка

В решении проблемы понимания сущности и природы языка, его соотношения с мышлением и бытием в истории философии и науки существовало два основных подхода – «язык как инструмент мышления и язык как среда любого духовного опыта» [Борсяков, 2004, 327]. Классический подход к пониманию природы и сущности языка в начале XX в., рассматривающий язык как феномен, находящийся «в самом себе и для себя», преобладал в работах представителей сравнительно-исторического языкознания, концепции Ф. де Соссюра, в трудах Женевской школы, функциональном структурализме Пражского лингвистического кружка, американского дескриптивизма, «логического атомизма» позитивистского этапа аналитической философии и др.

Так, один из родоначальников Женевской лингвистической школы Соссюр, заложивший основы семиологии и структурной лингвистики XX века, разделяя понятия языка и речевой деятельности, рассматривал язык только как определенную, хотя и важнейшую, часть речевой деятельности. При этом он утверждал, что если речевая деятельность многообразна и разнородна, протекает одновременно в ряде областей (физической, физиологической и психической), относится к сфере индивидуального и социального, то язык, в противоположность этому, «представляет собой целостность сам по себе» [Соссюр, 1999, 18]. Язык, в отличие от речевой деятельности, есть «нечто усвоенное и условное, и что, следовательно, язык должен занимать подчиненное положение по отношению к природному инстинкту, а не стоять над ним» [там же].

Разделение языка и речи позволяет, с точки зрения Соссюра, отделять социальное от индивидуального, «существенное от побочного и более или менее случайного» [там же, 20]. Поэтому язык не есть деятельность говорящего, напротив, – «это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим, он никогда не предполагает преднамеренности и сознательно в нем проводится лишь классифицирующая деятельность...» [там же, 21-22].

Подобный классический подход к пониманию сущности и природы языка в середине XX в. имел место в концепции «логического атомизма», начального этапа в развитии аналитической философии, представители которого считали, что «задача анализа состоит в том, чтобы сделать каждое предложение адекватной картиной реальности, которую оно

описывает» [Юлина, 2000, 19]. Так, Б. Рассел в статье «Логический атомизм», утверждая, что вселенная плюралистична и состоит из отдельных элементов, говорил о том, что «имя собственное может быть использовано для обозначения отдельных объектов» [Рассел, 1998, 25], а атомарные и молекулярные предложения должны соответствовать элементам реальности. Однако, язык, с его точки зрения, отражая реальность, становится все более абстрактным, вводя нас в заблуждение посредством словаря и синтаксиса. Поэтому мы должны быть настороже, «если не хотим, чтобы наша логика вела нас к сложной метафизике» [там же]. Отсюда, по утверждению Рассела, вытекает главная задача аналитической философии – логический анализ языка, устранение из науки парадоксов и псевдопроблем.

Подобную классическую позицию в понимании природы и сущности языка, его соотношения с действительностью занимал и «ранний» Л. Витгенштейн, который в «Логико-философском трактате» утверждал, что предложение представляет собой образ действительности, при этом «совокупность всех истинных предложений есть все естествознание (или совокупность всех естественных наук)» [Витгенштейн, 1958, 4.11]. Поэтому правильным методом было бы «не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано, – следовательно, кроме предложений естествознания...» [там же, 6.53].

Таким образом, язык в контексте классической теории познания рассматривался не как деятельность говорящего, а как готовый, пассивный, классифицирующий продукт, не предполагающий преднамеренность, а лишь стремящийся дать адекватную картину реальности в противовес мировоззренческим, метафизическим, философским парадоксам и псевдопроблемам.

Истоки неклассического подхода к пониманию активно-деятельного характера языка были заложены ещё в конце XVIII – начале XIX века В. Гумбольдтом, который считал, что «язык следует рассматривать *не как мертвый продукт (Erzeugtes)*, но как *созидающий процесс (Erzeugung)*» [Гумбольдт, 1984, 69]. Язык и духовные силы, с его точки зрения, развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другим, а «составляют нераздельную деятельность интеллектуальных способностей» [там же, 67]. При этом в анализе природы и сущности языка, по утверждению Гумбольдта, необходимо абстрагироваться от его функции как средства обозначения предметов и общения, а с «большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью и к факту взаимовлияния этих двух явлений» [там же, 69].

В дальнейшем, в первой половине XX века, проблема активной, прогнозирующей природы языка анализируется в концепциях и гипотезах языкового дрейфа и социолингвистики Э. Сепира; различных моделях расчленения мира и кодирования событий, заложенных в разных языках, Б. Уорфа; «языковых игр» и «семейного сходства» Л. Витгенштейна; эпистемологии «слов и вещей» М. Фуко и др.

Так, один из крупнейших лингвистов первой половины XX века Э. Сепир в статье «Язык» говорил о том, что помимо общих функций, выполняемых языком в сферах мышле-

ния, общения и выражения чувств, «можно назвать и некоторые производные от них функции, которые представляют особый интерес для исследователей общества» [Сепир, 1993, 232]. Эти производные функции обусловлены тем, что язык представляет собой мощный фактор социализации, а «обычная речь выступает в качестве своеобразного потенциального символа социальной солидарности всех говорящих на данном языке» [там же]. Вместе с тем, несмотря на то, что язык действует как социализирующая и унифицирующая сила, он является «мощным и единственно известным фактором развития индивидуальности» [там же, 234]. Кроме того, конструктивно-прогностическая роль языка состоит в том, что человек в процессе общения никогда не довольствуется одним лишь воспринимаемым содержанием речи, он «очень чувствителен к скрытому смыслу языкового поведения, хотя этот скрытый смысл почти не поддается сознательному анализу» [там же].

Таким образом, роль и заслуга Сепира в анализе конструктивно-прогностической природы языка состояла не столько в разработке концепции «лингвистической относительности» (известной в дальнейшем под названием «гипотеза Сепира-Уорфа»), сколько с его исследованиями языка как потенциального символа социальной солидарности и коммуникации, фактора выявления скрытого смысла языкового поведения.

Особая роль в обосновании активной, творческой, контекстуально-прогнозирующей природы естественного языка принадлежала и «позднему» Витгенштейну, который в «Философских исследованиях» пересматривает свои ранние взгляды, отходит от анализа априорной структуры языка и переходит к исследованию многообразных способов употребления слов и выражений естественного языка, его контекстуальной, «игровой» природы. Термин «языковая игра» призван, с его точки зрения, «подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни» [Витгенштейн, 2003, 237]. При этом конструктивная, творческая, прогнозирующая природа языка состоит в том, что язык «переодевает» мысль, и притом так, что «по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме переодетой мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаружить форму тела» [Витгенштейн, 1958, 4.002].

В лингвистических теориях XX века объектом исследования в анализе феномена языка в его функции опережения реальности становится предложение, так как «закономерности, выявленные на уровне предложения, обнаруживаются в художественном тексте в целом» [Шульц, Любимова, 2013, 77]. Кроме того, актуальным становится вопрос о том, «какой из членов суждения (предложения) превалирует как носитель опережающих смыслов – субъект (подлежащее, имя) или предикат (сказуемое, глагол)» [там же].

В задачу статьи не входит анализ полемики между сторонниками «магии имени» или предиката, так как наибольший интерес, с точки зрения автора данной работы, представляет собой исследование конструктивной роли метафоры в контексте одной из актуальных проблем современной неклассической теории познания – не формально-логических способов определения понятий в гуманитарном, в частности историческом, познании.

Метафора как не формально-логический способ конструирования понятий в гуманитарном познании

В современной отечественной эпистемологии активно разрабатывается проблема поиска «иных, не формально-логических, способов организации и структурирования знания, различных «начал порядка», управляющих данной наукой...» [Микешина, 2007, 283]. Такими специфическими способами образования понятий в когнитивной психологии являются «естественные», «чувственные» категории; в когнитивной лингвистике – концепты и семантический метаязык; в истории литературы и литературоведения – способы построения литературной теории и базовых понятий на «разноосновной совокупности литературно-исторических пластов, внутри которых становятся соотносительными, динамически соопределимыми понятия, не исчерпываемые формально-логическими определениями» [там же]. К таким специфическим способам обоснования научности, трансцендентальности гуманитарного знания, креативным инструментом «порождающей семантики» выступает метафора.

Роль и значение метафоры, как в обыденной речи, так и в научном познании, состоит в том, что она «отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов» [Арутюнова, 1990, 15]. Однако механизм метафоры, как прогнозирующего семантического квантора, состоит не только в приемах сравнения, сопоставления противоположного.

Так, американский философ, представитель аналитического направления современной западной лингвистической философии Дж. Р. Сёрль, формулируя принципы, в соответствии с которыми метафоры производятся и понимаются, пытается ответить на вопрос: «Как для говорящего оказывается возможным метафорически сказать «S есть R», имея в виду «S есть R», при том что R со всей очевидностью не значит R?» [Сёрль, 1990, 329]. Делается это, с его точки зрения, некоторыми особыми способами, с помощью которых метафорические высказывания способны вызывать нечто в сознании, давать «две идеи на месте одной» [там же, 340]. Поэтому основной принцип функционирования метафор состоит в их способности своими специфическими средствами вызывать в сознании «другое значение с соответствующим набором условий истинности» [там же, 314]. При этом креативная, конструктивная роль метафоры проявляется в том, что, дав толчок развитию мысли, семантическому процессу, она «постепенно стирается и в конце концов утрачивает образ, на смену которому приходит понятие (значение слова)» [Арутюнова, 1990, 15].

Особенно значимая роль принадлежит метафоре как не формально-логическому способу определения понятий в историческом познании. Так, голландский философ XX века Ф.Р. Анкерсмит в своей работе «История и тропология: взлет и падение метафоры», анализируя соотношение понятий опыта, репрезентации и нарратива в историческом познании, говорит о том, что «мы должны отказаться от понятия «нарративизм» в пользу «репрезентации» [Анкерсмит, 2009, 15]. Это вытекает из того, что исторический опыт представляет собой

область, находящуюся между объектом и субъектом, поэтому «историческая репрезентация принадлежит настоящему и репрезентирует прошлое» [там же, 13]. Именно репрезентация, с точки зрения Анкерсмита, представляет собой путеводитель в поисках исторической истины, который «надо искать в понятии метафора» [там же, 15].

Испытав влияние идей американского историка и литературного критика Х. Уайта, его размышлений о роли литературного метода, тропов в историческом письме, Анкерсмит утверждает, что их использование не означает радикального разрыва с наукой и когнитивными идеалами. Напротив, с его точки зрения, можно предположить, что тропология лежит в основе сциентистских когнитивных идеалов и «является для истории тем же, чем логика и научный метод для науки» [там же, 32].

Конструктивно-прогностическая роль метафоры как не формально-логического способа построения теоретического знания состоит в том, что она позволяет взглянуть на одну вещь в свете другой, обладает способностью превращать незнакомую реальность в знакомую, «побуждает нас рассматривать менее известную систему в терминах более известной» [там же, 38]. Так, метафорическое высказывание «Земля есть космический корабль» является весьма эффективным в организации знаний способами, которые могут служить нашим социальным, политическим целям и объяснить, «почему социальный, политический и, следовательно, исторический мир является излюбленной сферой применения метафоры» [там же, 37-38].

Заключение

Таким образом, классическая теория познания рассматривала язык как готовый, пассивный продукт, находящийся «в самом себе и для себя», как адекватное отображение и обозначение реальности. Неклассическая теория познания, в контексте методологии конструктивного реализма, исследует язык как созидающий феномен, потенциальный символ социальной солидарности и коммуникации, фактор выявления скрытого смысла языкового поведения, компонент деятельности, форму жизни. Значительный вклад в анализ слова как «квантора будущего» внесла «порождающая грамматика», которая должна быть дополнена «порождающей семантикой, самым креативным инструментом которой становится метафора.

Методологическое применение метафорического метода как не формально-логического способа обоснования научности гуманитарного, в том числе исторического, знания является одним из перспективных направлений в исследовании проблемы конструктивно-прогностической природы языка и его роли в разработке актуальных проблем постаналитического этапа философии науки.

Библиография

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Реабилитация, 2009. 400 с.

2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Арутюнова Н. Д. (ред.) Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
3. Борсяков Ю.И. Язык в контексте проблемы соотношения естественно-научного и гуманитарного познания // Философия. Методология. Наука. М.: Прометей, 2004. С. 304-335.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Наука, 1958. 133 с.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Мюллер М., Сепир Э. и др. (ред.) Языки как образ мира. М.: АСТ, 2003. С. 220-548.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
7. Лекторский В.А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 11-21.
8. Микешина Л.А. Категоризация и особенности создания абстракций в гуманитарных науках // Философия науки. Методология и история конкретных наук. М.: Реабилитация, 2007. С. 257-284.
9. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
10. Рассел Б. Логический атомизм // Грязнов А.Ф. (ред.) Аналитическая философия: Становление и развитие. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 17-37.
11. Сепир Э. Язык // Кибрик А.Е. (ред.) Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 223-248.
12. Сёрль Дж. Р. Метафора // Арутюнова Н.Д. (ред.) Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 307-341.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 432 с.
14. Шульц В.Л., Любимова Т.М. Слова как «кванторы будущего» // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 74-84.
15. Юлина Н.С. Аналитическая философия // Хеффе О., Малахов В.С. и др. (ред.) Современная западная философия. М. Культурная революция, 2000. С. 18-23.

Structurally predictive nature of language in the context of the nonclassical theory of knowledge

Evgenii A. Agafonov

PhD in Philosophy,

Associate Professor at the Department of philosophy and history,

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia,

160002, 2a Shetina str., Vologda, Russian Federation;

e-mail: evgenagafonov@inbox.ru

Abstract

The article substantiates the topicality of the subject and themes of the study structurally predictive nature of language, its active, creative nature. The aim of the article is the analysis of the activity approach to the identification of the function of the timing and foresight of language in the context of the evolution of analytical philosophy, the formation of non-classical theory of knowledge, constructive realism, methodological of the role of metaphors as a way of defining concepts in the humanities, in particular historical knowledge. Based on the analysis of the works of F. de Saussure, B. Russell, "early" L. Wittgenstein investigated the essence of the classical approach to the study of language as willing, passive, being "in itself and for itself" of the product. Shows the role of V. Humboldt, E. Sepir, "late" Wittgenstein in the development of non-classical concepts in analysis of language as a creative process, a potential symbol of social solidarity and communication, its contextually "game" character. Analyzed the contribution of J.R. Searle, H. White, F.R. Ankersmit in support of the role and importance topological methods, in particular metaphor, in the historical knowledge. Defined and illustrated the use of the results of the study – methodological application of constructive, generative, creative nature of metaphor as a formally-logical means of linking the concepts, the justification of science, of transcendence of the humanities, historical knowledge. In this article, the analysis allows to conclude that non-classical theory of knowledge, identifying and arguing constructively-predictive nature of language expands and enters into the circulation of philosophical and scientific knowledge, including the humanities, a methodology "generative" grammar and semantics, the role and the meaning of the word as "the expression of the future".

For citation

Agafonov E.A. (2016) Konstruktivno-prognosticheskaya priroda yazyka v kontekste neklassicheskoi teorii poznaniya [Structurally predictive nature of language in the context of the nonclassical theory of knowledge]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 3, pp. 85-94.

Keywords

Philosophy of language, contemporary epistemology, constructive realism, language, prediction, metaphor, Humboldt, Sapir, Wittgenstein, Searle, Ankersmit.

References

1. Ankersmit F.R. (1994) *History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor*. University of California (Russ. ed.: Ankersmit F.R. (2009) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory*. Moscow: Reabilitatsiya Publ.).

2. Arutyunova N.D. (1990) Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., pp. 5-32.
3. Borsyakov U.I. (2004) Yazyk v kontekste problemy sootnosheniya estestvenno-nauchnogo i gumanitarnogo poznaniya [The language in the context of the relations of science and humanistic knowledge]. In: *Filosofiya. Metodologiya. Nauka* [Philosophy. Methodology. Science]. Moscow: Prometei Publ., pp. 304-335.
4. Humboldt V. von. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress Publ.
5. Lektorskii V.A. (2005) Kant, radikalnyi konstruktivizm i konstruktivnyi realizm v epistemologii [Kant, radical constructivism and constructive realism in epistemology]. In: *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 8, pp. 11-21.
6. Mikeshina L.A. (2007) Kategorizatsiya i osobennosti sozdaniya abstraktsyi v gumanitarnykh naukah [Categorization and features of the creation of abstractions in the humanities]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. Moscow: Reabilitatsiya Publ., pp. 257-284.
7. Piazh Zh. (1969) *Izbrannye psichologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
8. Russel B. (1998) Logicheskii atomizm [The Logical atomism]. In: A.F. Gryaznov (eds.) *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie* [Analytical philosophy: Formation and development]. Moscow: Dom intellektual'noi knigi Publ., Progress-Traditsiya Publ.
9. Sapir E. (1993) Yazyk [Language]. In: A.E. Kibrik (ed.) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kulturologii*. [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow: Progress Publ., pp. 223-248.
10. Saussure F. de. (1916) *Cours de linguistique générale*. (Russ. ed.: Sosyur F. de (1999) *Kurs obshchei lingvistiki*. Ekaterinburg: Ural'skii universitet Publ.).
11. Searle J.R. (1990) Metafora [Metaphor]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., pp. 307-341.
12. Shults V.L., Lyubimova T.M. (2013) "Slova kak 1kvantory budushchego" [Words like "quantifiers of the future"]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 8, pp. 74-84.
13. Wittgenstein L. (1922) *Tractatus Logico-Philosophicus*. Kegan Paul (Russ. ed.: Vitgenshtein L. (1958) *Logiko-filosofskii traktat*. Moscow: Nauka Publ.).
14. Wittgenstein L. (2003) Filosofskie issledovaniya [Philosophical investigations]. In: Müller M., Sapir E. et al. (eds.) *Yazyki kak obraz mira* [Languages as the image of the world]. Moscow: AST Publ., pp. 220-548.
15. Yulina N.S. (2000) Analiticheskaya filosofiya [Analytical philosophy]. In: Kheffe O., Malakhov B.C. et al. (eds) *Sovremennaya zapadnaya filosofiya* [Modern western philosophy]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., pp. 18-23.